

Рассказ

Я часто думаю о роли мелочей в нашей жизни. Например, чьей-нибудь улыбки. Простой улыбки...

Ну, вот зачем я это написал? Решил же, писать правду. Ничего я не думаю. Ни о каких мелочах. И ни о каких простых улыбках. Я думаю, почему при одном воспоминании о моём старом друге Жене, о его милоте, робком, интеллигентном лице и о его улыбке я чувствую раздражение. И даже ненависть. Вот, что я хочу сегодня понять. Потому что здесь тайна. Причём тайна, касающаяся не только меня, но и многих моих соотечественников. Признаюсь, иногда мне кажется, что я разобрался, в чём тут дело. Но потом начинаю сомневаться, и выводы забываются. Кроме того, я сделал одно потрясающее открытие! Но, пожалуй, об открытии я расскажу позднее. Сначала нужно ещё раз всё вспомнить. И тогда, может быть, придёт окончательная ясность. А пока большую часть времени я пребываю в растерянности.

С Женей мы познакомились давно, много лет назад, хотя так и остались на "вы". По вечерам мы часто гуляли вдвоём по старым улицам горячо нами любимого Киева. Помню, как прохладным вечером, где-нибудь в октябре, когда у нас опадают листья каштанов и топей, мы с моим дорогим Женечкой останавливались на Владимирской или Большой Житомирской, и он, маленький, с восторженными глазами, поглаживая седеющие усы, говорило Паустовском, о Булгакове и счастливо улыбался.

А вот теперь эта самая улыбка или даже одна мысль о ней будит во мне ненависть. Почему так? С чего всё началось? Видимо, с наших споров двухлетней давности. И, конечно, с нашей Революции достоинства, которую мой друг не принял, над которой зло подшучивал и которую, что уж тут скрывать, несомненно, презирал.

Собственно, о революции, о Майдане и о том, что случилось со мной в те незабываемые дни, я и хотел вам рассказать. Но без Жени и без его так много значившей для меня улыбки тут не обойтись. Ведь каждый раз, как только я вспоминаю о тех бурных революционных и (что бы ни говорили наши идейные противники) исторических событиях, я мгновенно вижу перед собой его ухмылку и слышу вкрадчивый, скрипучий голосок:

— Вы, действительно, считаете, что прыгание несчастных, обманутых людей может привести к свободе и процветанию? Но каким же образом?

Так случилось, что один из самых первых дней Революции в Киеве мы провели вместе. Тогда всё только начиналось. Я и близкие мне по взглядам люди были возмущены избиением студентов. На душе было тревожно. Но Майдан уже собирался и шумел. Звучала музыка, выступали первые ораторы. Я чувствовал, приближается нечто грандиозное. И мне хотелось быть причастным наступающим событиям.

Словом, поздней осенью 2013 года, чтобы как-то унять тревогу, я решил пойти в консерваторию, на концерт приехавшего в Киев знаменитого виртуозо-гитариста. Женя и ещё несколько наших общих друзей тоже пошли. Скажу сразу, это был наш последний совместный "культпоход". Так когда-то мы называли подобные вечера в старые, добрые и, думаю, навсегда ушедшие времена.

После окончания довольно симпатичного концерта мы вышли на Майдан Независимости. Внезапно до нас долетел неприятный запах. Мы переглянулись, потом свернули на улицу Городецкого, бывшую Карла Маркса, и вдруг увидели большую лужу. Она текла вдоль гранитного фундамента консерватории в сторону Крещатики. Запах исходил именно от неё. Происхождение лужи не вызвало сомнений. Людей на Майдане было уже немало, а туалетов не хватало. Но в этом не было ничего постыдного! Это обычная ситуация при больших скоплениях народа. Однако Женя сразу же стал зло шутить и делать язвительные обобщения.

— Друзья мои, принимайтесь и не отвращайтесь! — вскричал он театрально. — Это же запах революции! Если хотите, эта лужа символична. Она предвещник будущего революционного хаоса. Не исключаю, что со временем здесь появится памятный знак в честь мочившихся героев. Но останется ли в целости само здание, это ещё большой вопрос!

Точно помню, именно тогда, после этих слов я впервые почувствовал хорошо сейчас знакомые холод и злобу. Мой друг будто отошёл от меня в тень. В мрачную тень. И там, в тени, уже говорил не он. Не мой старый приятель, с которым исхожены тысячи улиц, выпито много вина и спето множество песен Окуджавы и Высоцкого. Теперь это был враг. Враг всего, что мне казалось важным и дорогим.

После того дня мы долго не виделись. События зимы 2014 года захватили меня. Среди нас, пришедших на Майдан киевлян, были люди разных профессий. Музыканты, преподаватели вузов, предприниматели, барды, литераторы. Нас, людей творческих, радовала возможность быть со своим народом. И дело было не только в бутербродах и чае, которые мы носили протестующим. Важно было единение, общий дух обновления, обретение нами чувства единого народа, творящего свою историю.

К сожалению, наши противники видели кругом только недостатки. Обычные нелюпости они возводили в степень катастрофы. Говорили даже о фашизме, когда речь шла всего лишь о патристической молодёжи, искавшей форму протеста, и в своей браведе, в скрывавшей лиц и бросании булыжников находившей романтику. Впрочем, чтобы бросать булыжники в представителей насковь прогнившего режима, нужна была смелость. И они являли эту смелость. И это не могло не вызывать восхищения.

Спустя два месяца после нашей последней встречи, примерно в январе 2014-го, я неожиданно встретил Женю на Майдане. Он шёл мрачный, нахохлившийся. Вокруг горели костры, раздавали еду, молодёжь пела, бродячие кабзари играли на бандурах, сотни людей укладывали мешки с песком в баррикаду на случай штурма. Мы с моей дорогой женой Люсей собирали металлическую посуду после чаепития и оживлённо беседовали с новыми знакомыми. Мы легко понимали галицкий говор и находили прелесть во всех этих "пане" и "пани", "ви ес", "ви не ес", и в протяжных обращениях — "маесте хлбѣ?", "маесте грошѣ?".

Настроение было приподнятое. И тут появился мой бывший друг. Как я уже сказал, вид у него был угрюмый. Вид ироничного наблюдателя. Подойдя к нам, он не протянул мне руки, не улыбнулся, а сразу заговорил:

— Господа, — начал он, оглядываясь по сторонам. — Ходят слухи, что участники революции всё прибывают, а расселять их нгде. И не исключено, что самых сознательных киев-

лян попросят поселить активистов у себя на квартирах. Так сказать, взять в семьи для взаимного воспитания. Скажите, господа...

Но в этот момент, как будто нарочно, рядом с нами громко запели, а потом закричали: "Будьмо, гэй! Будьмо, гэй!". Да, возможно, пели не слишком музыкально. Да, вероятно, не все были трезвы. Но ведь была зима, холод. А костры обогревали далеко не всех.

Однако мой некогда друг буквально задрожал от отвращения.

— Так вот, скажите, господа, — продолжал он, недовольно зыркая вокруг, — если вам предложат взять к себе домой пожить кого-нибудь из этих гэй-пегунов, вы согласитесь?

Помню, я посмотрел на свою дорогую жену Люсеньку. Она

Ян ТАКСЮР

молчала. За тридцать лет нашей совместной жизниона не осудила ни одного моего начинания. Ни разу не высказала неудовольствия. Потом я твёрдо глянул в насмешливые глаза, посмотрел на знакомые седеющие усы и, желая как можно скорее стереть эту отвратительную улыбку, сказал:

— Разумеется, согласусь. Так совпало, что как раз на следующий день на Крещатике ко мне и ещё нескольким моим единомышленникам подошёл ныне весьма влиятельный государственный деятель (мне бы сейчас не хотелось называть его имя). Он поблагодарил нас за помощь и очень вежливо, на прекрасном украинском языке попросил взять к себе временно пожить кого-нибудь из активистов Майдана. По его словам, мест для расселения пока не хватало, но вопросы жилья вот-вот будут решены. И тут я опять вспомнил Женю. Его кривую, невыносимую ухмылку. Именно она, как я теперь отчётливо понимаю, явилась главным толчком к моему решению. В общем, я протянул подошедшему свою визитную карточку.

Они пришли через несколько дней. Их было двое. Василий и Маричка. Довольно молодые. Василий постоянно оживлённый, с большими, чуть на выкате глазами, мясистым носом и алым румянцем на небритом, лоснящемся лице. Маричка, наоборот, была тиха, неразговорчива, смотрела несколько тускло, ступала несмело. На голове у неё был цветастый платок, оставлявший открытым только большой бледный лоб и полностью укрывавший волосы, которых я, кстати, так никогда и не увидел.

Тут я должен признаться в одной своей слабости. Я боялся прихода людей с улицы. Возможно, это была чисто интеллигентская боязнь разрушения собственного мира. А может быть, глубоко затаившееся презрение умика к представителям простого народа. Не знаю. Но я со стыдом вспоминаю, какие ужасные картины мне рисовались. Мне вдруг стало сниться, будто являюся грубые постояльцы, нас с Люсей выселяют из собственной квартиры, и мы стоим с узлами на своей родной улице Толстого, а мой приятель Евгений потирает руки и говорит нетто издевательское.

Когда же я увидел Василия и Маричку, на меня сошло огромное облегчение. Я почувствовал к своим гостям невероятную симпатию. Естественно, мы с женой накормили их обедами. Попросили располагаться и не стесняться. Потому что Маричка держалась уж слишком скромно. За столом она молчала и только иногда робко что-то шептала на ухо Василию. А он в ответ ей ласково ворковал: "Та ну, не бойся. Всё нормально".

От обоих наших постояльцев пахло костром. И этот запах не только не раздражал, но, наоборот, служил нам с Люсей своего рода напоминанием. Мы ясно понимали, что вот эти двое людей с улицы сегодня, вместе с тысячами таких же "маричек", творят историю.

Прошло несколько дней. Наши гости стали привывать. Да и мы тоже старались к ним привыкнуть. Уходили они обычно рано, после того, как Люся кормила их завтраком. А возвращались поздно. И мне казалось, что делают они это нарочно, из деликатности, чтобы не доставлять нам неудобств. Впрочем, некоторые мелкие неудобства всё же были. Но я связывал их с тем, что наши постояльцы проживали в сельской местности, далеко на западе Украины. А там свои патриархальные и в чём-то упрощённые нравы.

Так, Василий мог иногда оставить не закрытой дверь туалета и оттуда громко отдавать Маричке распоряжения, что взять с собой на Майдан. Какую рубашку или носки. Он также мог довольно громко петь в ванной. Голос у Василия был красивый, сочный. И вообще, все эти "Ой, у стайні два коня" или "Візьмемо, браття, зброю до рук" звучали довольно мило и романтично.

Да и ванную, честно говоря, наши гости занимали крайне редко. Как-то раз, проходя по коридору, я случайно увидел сквозь щель, что Василий находится в ванной полностью одетым, в больших сапогах, и при этом не моется, а почему-то моет бутылки. Помыв, он аккуратноворачивал каждую бутылку газету и складывал в мешок. Когда я поинтересовался, зачем ему столько бутылок, он ответил не сразу, немного покряхтел, почесал свой мясистый нос, а потом сказал уклончиво:

— Та хорошим людям пригодяться. Некоторые более серьёзные недоразумения начались недели через две. Однажды утром я вышел в кухню, когда Василий и Маричка уже ушли. Посередке кухни стояла моя Люся. Она тихо плакала. Признаюсь, сердце у меня упало.

Весь стол был завален грязной посудой и обедками. И дело было не в том, что наши гости не убрали за собой. И даже не в том, что они съели всё, что предназначалось нам с Люсей, и, как потом выяснилось, унесли колбасу и сыр, лежавшие в холодильнике. Не это огорчило мою добрейшую Люсю. Тут было другое. От картины общего беспорядка, от всех этих пустых кастрюль и объёдов, валявшихся на полу, веало презрительным неуважением. Разумеется, я постарался успокоить жену. Напомнил ей, что именно такие простые и не всегда удобные в общезжитии граждане ныне меняют судьбу Украины.

— Ты только подумай, — говорил я, — ведь эти люди оставили родные места, проехали сотни километров до столицы, чтобы помочь нам с тобой обрести новую будущность!

Не помню, кажется, я ещё что-то сказал, и жена успокоилась. Однако, неприятный осадок у меня всё же остался.

В тот же вечер, по традиции, мы с Аллой

Эдуардовной, доцентом лингвистического университета и нашей старинной приятельницей, понесли на Крещатик и Банковую кофе с печенем. На Банковой, возле Дома с химерами, толпилось множество народа. Люди, обсыпанные снегом, громко кричали и хором повторяли довольно неприличное ругательство. На некотором возвышении я узнал господина Тягнибока, а рядом с ним господина Яценюка. Ругательство, видимо, относилось к ним. В ответ они тоже что-то кричали. И тут я увидел Маричку с Василием. Они быстро бежали мне навстречу, таща за собой туго набитые голубые пакеты для мусора. Я улынулся и приветливо помахал им рукой. Но они посмотрели неприязненно, не поздоровались, а лишь обошли меня как некое препятствие. Мне стало не по себе.

На следующий день, а точнее, на следующую ночь, мы с Люсей не спали. Замечу, к тому времени мы оба стали плохо спать. Внезапно из гостинной послышались странные звуки. Там явно кто-то ходил. Иногда хлопали дверцы шкафа. Несколько минут мы с женой лежали не шелохнувшись. Потом я встал и по-

шёл в гостинную.

Там, в длинных цветастых трусах и растянутой под мышками майке, стоял Василий. Ящик комода, где мы с Люсей обычно храним дипломы, паспорта и старые грамоты, был открыт, а Василий, переминаясь на босых ногах с огромными ногтями, внимательно читал какую-то бумагу.

— Вы что-нибудь ищете, Вася, — спросил я как можно спокойнее.

Он обернулся, слегка потупился, почесал свой большой нос и сказал:

— Та хотив документы захаваты.

— Так давайте я спрячу.

— Та на треба.

И он быстро закрыл ящик комода и вышел из комнаты. Вернувшись в спальню, я всё рассказал Люсе. Она немного помолчала, а потом вдруг сказала:

— Ты знаешь, она говорила со мной.

— Кто?

— Маричка.

— О чём?

— Спрашивала, сколько метров у нас в квартире. И сколько человек прописано.

До сих пор стыжусь того страха, который я тогда испытал. В груди заколотило. Страшная мысль о том, что не всё так безоблачно, что такие, как мой бывший приятель, может быть, в чём-то правы, на мгновение обожгла меня.

Но я тут же, усилием воли, отогнал её.

Через некоторое время неожиданно позвонил Женя. Зачем он тогда объявился, не знаю. Услышав его голос, я тут же напрягся. Сначала мы говорили о пустяках. Потом он спросил насмешливо:

— Говорят, у вас гости из будущего?

Я стиснул зубы и сказал, слегка задыхаясь:

— При чём здесь будущее? О чём вы?

— Но вы же не станете отрицать, что будущее всегда несёт на себе черты того, кто его завоёвывал.

— Всё это слишком сложно, — сказал я холодно.

И тут его словно прорвало.

— Послушайте, мой дорогой, — заговорил он быстро и горячо, — разве вы не видите, кого вы кормите с рук? Какого они духа. Им чудно всё, что мы с вами любили — поэзия, музыка, культура! Они не только не способны воспринимать их, но и не желают ничего знать о них. Поскольку считают вредными и враждебными себя. И не вы, мой дорогой, будете их учить, а они вас научат, кого любить, кому молиться и кого ненавидеть! Ведь это провинциальные, озлобленные неучи, которые считают свой набор знаний о мире единственно правильным и патристичным. А ваши ценности — смешными, ничтожными и подозрительными. И скажите мне, голубчик, как из скопления проплаченных хамов может вылезти что-нибудь иное, кроме огромного гиганского хама? Каким образом местечковый комплекс неполноценности, пусть умноженный даже на миллион, породит нетто светлое и созидающее? Нет, уважаемый, он породит только худшее зло. Он породит фюрера! Новое божество! Все революции заканчиваются одинаково — на смену дрянному приходит в тысячу раз более отвратительное!

Я не выдержал и бросил трубку. Ещё несколько минут я стоял в передней у телефона. Меня трясло. И всё же, когда, сделал усилие, я запретил себе вспоминать о том, что и сказал этот человек, когда я заставил себя прервать внутренний диалог с ним, дрожь стала утихать. Но тут ко мне подошла Люся.

— Там... — сказала она, указывая в сторону, — пойдй, посмотри.

Жена повела меня к нашей старой кладовке, где за много лет собрались разные ненужные вещи. Теперь тут стоял знакомый матерчатый баул. Он был засаленный и грязный. От него исходил кисловатый запах.

Когда я открыл баул, то увидел сверху какие-то тряпки. Под ними лежала пятистия военная форма, упаковки с лекарствами. Множество неизвестных мне таблеток. Ещё там были пакки шприцов и завернутые в измятую газету золотые украшения. Кажется, женские. Помню, серёги и кольца. Несколько пар. А на самом дне, обернутый промасленной тряпкой, лежал небольшой револьвер. Он был чёрного цвета. Довольно тяжёлый.

Я посмотрел на Люсю. Она смотрела на меня своим ясным, добрым и немного печальным взглядом. Возможно, она ждала, что я, как обычно, найду разумное объяснение тому, что мы видим. Но говорить о пассионарных личностях, которые всегда являются двигателями любой революции, мне тогда не захотелось. Я лишь закрыл баул и осторожно вернул

его в нашу кладовку.

И раз уж я решил быть до конца откровенным...

В те дни случилась ещё одна неприятность. Однажды мы с Люсей пошли на вечер нашего знакомого, киевского поэта и барда. Обстановка была прекрасная. Я чувствовал себя среди своих. Друзья подходили ко мне и благодарили за активную гражданскую позицию. Высылали поддержку. Очевидно, они знали о моём отношении к революции и сильном участии в ней. Не скрою, мне было приятно. Да и поддержка единомышленников была весьма кстати.

Домой мы возвращались поздно. Уже у подъезда мы заметили, что у нас дома горит яркий свет. А когда подошли к входной двери, то услышали музыку и громкий смех. Мы вошли прихожую. Музыка была включена на полную мощность, и потому наши постояльцы не услышали, как мы пришли. В гостинной я заметил несколько человек — Василия, Маричку и ещё незнакомого нам очень толстого мужчину, который спал на софе. Его жирная, волосатая рука свисала до пола. На руке видне-

лась чёрная татуировка — надломленный крест с орлом.

На журнальном столике стояла большая, почти выпитая бутылка водки, а рядом банка с мутноватой жидкостью. Василий, развалившись, сидел в моём кресле. Маричка хлопотала у стола. При этом Василий хватал её за талию, пытаясь привлечь к себе. Маричка

отбивался и вскрикивала: "Вася, перестань, чуешь? Дай повечерять!". Она била его по рукам, но это ужасно веселило Василия, он гоготал и продолжал хватать. Лицо Василия было красным и лоснилось, как никогда. Наконец, ему удалось посадить Маричку к себе на колени, но она, продолжая вырываться, закричала: "Та перестань, сказала! Ну шо ты робышь, козёл! Зараз наши жиды придуть!".

Я замер, как от пощёчины. Конечно, мы с Люсей не подали вида, что всё слышали. Но с этого вечера во мне словно что-то переменялось. Нет, я не оставил хождения на Майдан. Наоборот, я стал бывать там чаще. Но теперь, если можно так выразиться, я ходил туда с особенной жадностью. Я искал таких однозначных, положительных впечатлений, которые укрепили бы мою веру. Какие доказали бы, что события у меня дома всего лишь нетипичное недоразумение.

И вот как-то раз поздним вечером, погружённый в свои беспорядочные и не очень весёлые мысли, я шёл по Крещатику. Было холодно. Снег, истоптанный тысячами ног, перемешался с грязью и почернел. Вокруг была всё та же привычная картина — палатки, голые голоса, запахи полевой кухни. Но прежней радости я не чувствовал.

Вдруг в разных концах Крещатики началось странное движение. То тут, то там послышались резкие, тревожные выкрики.

— Куды вы побігли?! — закричал сильный мужской голос. — Дивитесь! Он, вони дэ!

Тут же с разных концов улицы двинулись возбуждённые люди. Некоторые повторяли: "Титущки! Титущки!". Не знаю, почему, но общее возбуждение предалося и мне. Я быстро пошёл за кричащими. Сначала мы держались вместе. Но потом, на Майдане, наша группа рассыпалась по улочкам, ведущим вверх к Михайловской площади. Я пристроился к нескольким воинственного вида мужчинам с металлическими прутами в руках. Однако и они куда-то исчезли. Было темно. Мне показалось, что они свернули в старый кирпичный подъезд под домом с лепными украшениями. И я свернул туда же. То, что мне довелось увидеть, я не забуду уже никогда.

В подъезде, который вёл в старый двор, стены были разрисованы, и горела одна маленькая лампочка. Но я всё же разглядел группу человек из пяти-шести. Они стояли ко мне спиной и смотрели вниз. Внизу на земле, а точнее, на асфальте, что-то медленно шевелилось. Когда один из стоявших отошёл в сторону, я увидел, что на земле шевелится мужчина. Он лежал на спине. На нём была милицейская форма с нашивкой "Беркут". Он был без шапки. Один глаз его почернел и был залит кровью. Он приподнимал одну руку, будто защищаясь. Но обнаружившие что-то злбно выговаривали ему. Внезапно я узнал Маричку. Её бледное лицо в полутьме подъезда казалось восковым. Тонкий рот кривился. На ней был всё тот же цветастый платок, закрывавший волосы.

— Паскуда! — прошипела Маричка и ударила лежавшего ногой в бок. Он застонал. Только тут, когда от удара человек в милицейской форме немного отшатнулся, я увидел под ним тёмную лужу и догадался, что это тоже была кровь. Потом Маричка быстро обошла лежавшего и, подойдя к нему с другой стороны, несколько раз ударила его каблуком в пах. Он сильно закричал. Потом замер и расстался на асфальте.

— Шкура московська! — выдохнула Маричка и хотела ударить ещё раз.

Но тут меня заметили. Какой-то парень с железным прутом кивнул в мою сторону. Рядом с парнем стоял Василий. Он посмотрел на меня, коротко усмехнулся и негромко сказал:

— А ну, хлопцы, держи його.

Меня спасло только то, что я хорошо знаю Киев. Когда они бросились за мной, я, несмотря на возраст, какими-то нелепыми скачками, шумно дыша, пробежал метров десять до улицы. На улице я увидел знакомую подворотню и вспомнил, что за ней проходной двор. Дрожащими руками я толкнул железную калитку, юркнул в неё, и уже ничего не видя, помчался вниз. Голоса догонявших стали удаляться.

Ещё несколько часов я прятался по дворам, пробираясь к дому. Дома, ничего не объясняя

Люсе, я попросил немедленно собрать вещи. Мы закрыли квартиру, и после этого три месяца прожили у друзей. Своих постояльцев мы больше не видели.

С тех пор прошло два с половиной года. За это время многое переменилось. И в стране, и во мне самом. Здоровье моё резко ухудшилось. Я живу в постоянном напряжении. В тревожном ожидании. Я почти не сплю. Настроение чаще всего подавленное.

Однако, если вы полагаете, что я отрёкся от тех чувств и мыслей, которые владели нами на Майдане тогда, зимой 14-го, вы ошибаетесь. Всякий раз, когда речь заходит о событиях нашей киевской революции, я горячо убеждаю всех видеть только лучшее. Да, надежды народа пока не оправдались. Но идея происходившего всё равно была прекрасной! Правда, всякий раз, когда я начинаю об этом говорить, во мне всплывает тёмный вечер, подвортня и залитый кровью мужчина, выставляющий вперед слабеющую руку. Но я тут же отгоняю это видение.

И всё-таки недавно я сделал один важный и печальный вывод. Я понял, что на самом деле было главным в моей жизни все эти два с половиной года. Что наполняло её не на поверхности, а так сказать, на глубине. Так вот, наполняла её страх. Да, страх! Я боялся быть осмеянным вместе со своими идеями. Я боялся, что явится некто улыбающийся, беспощадный, умный и скажет такие слова и такую правду, после которых все мои заклинания "видеть лучшее" покажутся ничтожным лепетом. И вот из этого страха унижения, страха ущемления моей гордости и страха правды родилась моя ненависть. Теперь я это ясно вижу.

Впервые я это понял, когда встретил всё того же приятеля Женю. Это произошло год спустя после победы Майдана. Он подошёл ко мне своей чуть вертлявой, подпрыгивающей походкой, и как всегда, поглаживая свои седеющие усы, сказал:

— Спасибо вам, дорогой, за чудесные достижения вашей революции. Сидим сейчас с женой без денег. Живём на мамину пенсию.

И он захихикал. О, это было страшное, я бы сказал, роковое хихикание! Потому что в тот самый момент, когда он захихикал, я понял всё. Сразу! Это было, как озарение. Я понял, что мне, по большому счёту, безразличны и революция, и её итоги, и европейский выбор, и безвизовый режим. Мне даже безразлична Украина. А важно для меня только одно — не видеть наших ухмыляющихся противников. Не слышать их рассуждений о том, что на Майдане мы нашими жалкими бутербродами накормили бандитский сброд, разрушающий страну. При одной мысли, что мне придётся это публично, я прихожу в ярость. В иступление. И мне хочется стучать кулаками по стене.

Тогда же, глядя на человека, которого долгие годы по-настоящему любил, я почувствовал ещё кое-что. Оно было ужасным. Впрочем, я дал себе слово писать правду.

Я, всегда считавший себя мягким, добрым и гуманным человеком, ощутил желание ударить Женю. Причём, не просто ударить, а так же, как Маричка в подъезде, с иктивлённым ртом, избивать и калечить его. Вы скажете, я был нездоров. Несомненно. Я и сейчас нездоров, о чём уже говорил вам. Но иногда мне кажется, что так же, как я, нездоровы сегодня тысячи, а может быть, и сотни тысяч моих сограждан!

Ну, а теперь пришло время рассказать о моём главном открытии. Я упоминал о нём в самом начале. Честно говоря, даже не знаю, как об этом написать.

Одним словом, в ту самую минуту, когда Женя смеялся, кто-то внутри меня внятно произнёс: "Убей его!". Разумеется, я решил, что мне показалось. Но голос, шепнувший "убей его", стал повторяться. Он стал говорить со мной каждый день.

И тогда я понял, что во мне кто-то живёт. Какая-то сила. Невидимое, разумное существо. Одной частью души я понимал, что это бред. Но другой частью...

Я обратился к врачам. Мне прописали лечение. И мне стало легче. Но тот голос, тот невидимый шептун вскоре вернулся. Никан не хочу его называть, чтобы не впасть в религиозное мракобесие. Но знаю точно, это он не позволяет мне хоть как-то критически думать о нашем Майдане. Если, например, я говорю, что революция была прорывом к свободе и шагом в Европу, голос молчит. Но стоит мне на мгновение подумать о признании некоторых наших ошибок, о раскаянии, он оживает. И тут же рисует мучительные картины позора и насмешек. И тогда все вокруг начинают казаться мне скрытыми врагами. Картина мира мрачнеет, а в душу сходит тяжёлый, злой туман.

А недавно мне стало казаться, что внутри меня живёт уже не один, а несколько голосов. Они говорят со мной, подсказывают аргументы в полемике с воображаемыми противниками. Вчера я не выдержал и прямо спросил их: "Кто вы?". Они засмеялись. А потом ответили: "Гости с Майданом!". И снова захохотали.

Понимаю, что вы сейчас думаете. Но уверяю вас, у меня есть новый препарат. Я обязательно вылечусь. И докажу. Докажу всем не патриотам, всем насмешникам, что идея наша была изумительной. Исторически мы всё равно правы. И я уверен, так думают тысячи лучших людей страны!

Одна только любопытная мысль пришла мне сегодня в голову.

А что если и эти тысячи лучших людей, как и я, слышат голоса? И слышали их тогда, на Майдане. А вдруг и в них тоже кто-то живёт? Квартирует, так сказать. Вот, было бы забавно! Значит, и те, кто бежали за мной с арматурой, тоже слышали голоса! И те, с кем я прыгал у Главпоштамта.

А что если в них тоже внутри кто-то сидел и шептал: пойдй! прыгай! стреляй! Но если это так, то что тогда получается? Тогда получается, что нас на Майдане было ещё больше! Ну, если учитывать шептавших изнутри. Чушь! Чушь! Никто сидеть не мог. Я потомственный атеист!

Впрочем, было бы мило. Ведь сразу же меняется статистика революции. Выходит, стояли и прыгали не сотни тысяч разумных существ, а уже миллионы! Ха-ха-ха...

***

На этом месте рукопись больного С.Х. обрывается. В истории болезни, к которой рукопись была приобщена, сделана следующая запись:

"Данный материал был изъят у больного С.Х. при госпитализации. В виду того, что он содержит не только болезненную симптоматику и фантастические картины, ничего общего не имеющие с реальностью, но и оскорбительные измышления, подпадающие под статью уголовного кодекса, медицинский консилиум принял решение направить текст в компетентные органы. Врач Н.Г. Дмитрук".